

Э. М. Рубаева

Эльма Муратовна Рубаева

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, доцент кафедры российской истории, кандидат исторических наук, e-mail: rubaevaemmdo@i-dist.ru

Экономический фактор и процесс коренизации в Северной Осетии в 1920–1930-е гг.

Аннотация. В статье рассматривается политика коренизации в Северной Осетии. Автор исследует неоднозначность, противоречивость и многосложность этой проблемы, определяет значение географического положения региона, специфики хозяйственных отношений, образовательного уровня местного населения, которые являлись основой решения задач, поставленных советской властью в национальной республике. На основе исследования историографии вопроса, а также введения в научный оборот малоизвестных архивных документов в статье определяется основополагающая роль экономического фактора в процессе коренизации.

Ключевые слова: ускоренная коренизация, экономический фактор, специфика традиционного хозяйства горцев, национализация осетинской школы, экономическая изоляция региона, национальная партийно-хозяйственная элита.

Elma M. Rubaeva

North Ossetian State University. K.L. Khetagurova, Associate Professor of the Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences e-mail: rubaevaemmdo@i-dist.ru

The economic factor and the process of indigenization in North Ossetia in the 1920s–1930s.

Abstract. The article deals with the policy of indigenization in North Ossetia. The author explores the ambiguity, inconsistency and complexity of this problem, determines the significance of the geographical location of the region, the specifics of economic relations, the educational level of the local population, which were the basis for solving the problems set by the Soviet authorities in the national republic. Based on the study of the historiography of the issue, as well as the introduction of little-known archival documents into scientific circulation, the article determines the fundamental role of the economic factor in the process of indigenization.

Keywords: accelerated indigenization, economic factor, specifics of the traditional economy of the highlanders, nationalization of the Ossetian school, economic isolation of the region, national party and economic elite.

В последние десятилетия XXI в. усилилось внимание общественности к вопросам национально-государственного строительства, национально-культурной автономии. Проблемы национального самоопределения, национальной идентичности стали ареной ожесточенных идейных столкновений, политических баталий, межэтнических конфликтов. Особенно остро эти вопросы стали очевидными после распада СССР. Как полагают многие историки, они напрямую связаны с «советским тоталитарным наследием». Но уместно заметить, что это достаточно спорное утверждение. По мнению большинства исследователей, история становления советского государства после Октябрьской революции свидетельствует о достаточно спокойном развитии межнациональных отношений в многонациональной стране. Бесспорно, не обошлось и без межнациональных трений, которые имели эпизодический и зачастую бытовой характер. Важно отметить, что советское государство создавало благоприятные условия для подлинной дружбы народов нашей страны, которая прошла проверку на прочность в трагические и драматические периоды нашей истории. В 1990-е

годы, под влиянием внутренних и внешних факторов, ослабления центральных органов власти, «брожения» в национальных республиках, подстегиваемого амбициозными местными «элитами», а также негативным влиянием «пятой колонны», т. е. агентами влияния Запада, дружба народов нашей страны дала «большую трещину». И на сегодняшний день мы имеем следующую картину: спорные границы, территориальные претензии, ущемление права народов на изучение своего языка и культуры, дискриминационная политика в отношении нетитульных народов в ряде «стран ближнего зарубежья» – вот те ключевые проблемы, от решения которых зависит будущее государств на постсоветском пространстве.

Автор исследования поставила перед собой непростую задачу – показать неоднозначность, противоречивость и многосложность решения одной из судьбоносных проблем народов России – «коренизации» на примере национальной республики Северного Кавказа. В содержательном отношении исследование включает в себя определение роли и значения экономического фактора, влияющего на решение этого вопроса. Географические рамки

исследования ограничены территорией Северной Осетии, что связано с особенностями и спецификой данного региона.

Хронологические рамки исследования определяются 1920–30-ми годами, временем становления Горской АССР, затем ее упразднения и становления на ее основе нескольких автономных республик.

Методология исследования основана на принципах объективности, историзма, системности анализа историографических источников, архивных материалов и т. п.

Важным направлением национально-государственного строительства в 1920–1930 гг. являлась коренизация. В многонациональной и многоконфессиональной стране, каковой являлось советское государство, решение этой проблемы имело первостепенный характер. В трудах партийных и советских руководителей получили освещение задачи и цели этой политики. Теоретической основой данной политики стала провозглашенная в 1917 г. «Декларация прав народов России», а также статья И.В. Сталина «Политика советской власти по национальному вопросу в России». Эта политика была достаточно противоречивой, так как сначала был запущен процесс коренизации, когда фактически насильно принуждали изучать местные языки и большевизировали национальные культуры, а затем органы госбезопасности начали применять репрессии к тем, кто эту политику проводил, используя совершенно надуманные и нелепые обвинения.

Коренизация как процесс охватила различные институты общественной жизни: образование, культуру, средства массовой информации, власть. Особенная активность в этом вопросе наблюдалась в 1920-е – начале 30-х гг. К концу 1930-х гг., по мере укрепления советской власти в национальных регионах, подавления сопротивления вооруженных формирований, повстанческого движения, данная политика достигла своей кульминации, и на смену коренизации приходит русификация.

После Октябрьской революции и утверждения советской власти в центре, на окраинах России наблюдается всплеск национализма, что в ряде регионов проявилось в повстанческом движении (это явление было связано с длительным периодом дискриминационной колониальной политики царского правительства по отношению к нерусским народам). В 1923 г. ЦИК СССР получил аналитический доклад, в котором была представлена определенная картина межэтнических отношений, которая свидетельствовала том, что «во многих образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения...» [11, с. 131]. В воззвании представителей русской национальности, в частности, отмечалось, что «...жизнь русского населения стала невыносимой и ведет к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики...

Полное разорение экономике края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими...» [11, с. 131–132]. Дальнейшее развитие этих процессов могло иметь самые негативные последствия для советской власти, поэтому необходимо было в кратчайшие сроки определить и реализовать политику по отношению к национальным меньшинствам. Такой политикой стала коренизация.

Авторская концепция данной проблемы основана на следующих положениях: кампания коренизации была нацелена на укоренение, упрочение советской власти в национальных административно-территориальных единицах и снижение роста национализма среди коренного населения; ликвидация неграмотности и коренизация были двуединой задачей советской власти; факторы первостепенной важности, с учетом которых должна была быть реализована эта политика, – географическое расположение, климатические условия, специфика традиционного хозяйства горцев; политику центральной власти в этом направлении настроенно, а отчасти и оппозиционно восприняла часть местной национальной партийной элиты, апеллируя к особенностям хозяйственного развития региона. Точка зрения местной партийно-хозяйственной элиты имела вполне обоснованную аргументацию, связанную с тем, что проведение ускоренной коренизации в регионе с традиционным хозяйственным укладом, при небольшой численности и неграмотности подавляющей части населения, будет способствовать отрыву и экономической изоляции региона и, как следствие, обнищанию горцев.

Для теоретического осмысления проблемы коренизации важное значение имеют работы ряда исследователей данной проблемы. М.А. Гутиева справедливо утверждает, что «проблема коренизации кадров не могла быть решена прежде проблемы ликвидации неграмотности» [3, с. 2–7]. Серьезный анализ данной политики в отдельных регионах Северного Кавказа представлен работами: Х.Б. Мамсировым, А.А. Лоовым [9, с. 96–129], Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе [10, с. 150–153]. Авторы работ совершенно справедливо полагают, что выдвижение представителей коренных народов в партийные и советские учреждения повышало авторитет советской власти на местах и выдвиженцы из среды горцев благодаря своей ментальности, знанию языка, местных традиций и обычаев, традиционного уклада жизни (что нельзя было изменить сразу) пользовались доверием и уважением со стороны местного населения. В этой связи важно отметить, что решение этой задачи было первостепенным для советской власти не только в республиках Северного Кавказа, но и во всех национальных республиках советского государства.

Одним из наиболее авторитетных специалистов по вопросам национально-государственного

строительства на Северном Кавказе является доктор исторических наук, профессор В.Д. Дзидзов. В его исследовании «Национальная политика: уроки опыта» рассматриваются основные этапы преобразований после Октябрьской революции на Северном Кавказе, сложность решения ключевых задач национально-государственного строительства в многонациональном и многоконфессиональном крае. Автор совершенно справедливо отмечает, что ускоренная коренизация имела не только позитивные, но и негативные последствия [5, с. 136–140]. В работах О.А. Белоусова [1, с. 61–62], Н.Ф. Бугай, Д.Х. Мекулова [2, с. 186–188] и ряда других исследователей отмечается важность решения задачи утверждения советской власти в национальных республиках, которая непосредственно была связана с ликвидацией неграмотности и коренизацией партийно-государственных кадров.

Конечно, большинство из местной «национальной элиты» в 1920-е годы были малограмотны. Уровень грамотности среди горцев Северной Осетии до революции был представлен в следующем виде: Правобережный округ – 11,6 %; Дзауджикауский – 8 %; Алагиро-Ардонский – 12,4 %; Дигорский – 7,8 %; Притеречный (казачий) – 37,7 %, итого по области – 18 %. По национальностям: осетины – 10 % (в среднем по всем округам), казаки-русские 37,7 %, немцы – 31,6 % [7, с. 132–140]. Совершенно очевидно, что такое положение в сфере образования значительно осложняло решение судьбоносной для советской власти задачи. Мало того, специфика хозяйственных отношений в регионе стала определяющим фактором, оказывающим значительное влияние на политику коренизации.

Поиск национальной идентичности, а также определения места своего этноса в новой политико-экономической системе начался после свершения Октябрьской революции. Этот процесс направлялся и поддерживался советской властью, которая использовала огромный заряд национального освобождения для утверждения новой парадигмы отношений между центром и этническими составляющими России. Точкой отсчета политики коренизации стал XII съезд РКП (б). Именно доклад И.В. Сталина стал теоретической основой этой политики, которая предполагала перевод школ, учреждений, партийных и советских органов на национальные языки. При таком условии советская власть могла стать близкой и понятной для трудящихся национальных республик [4, с. 4].

Массовая коренизация началась весной 1929 года, когда Северо-Кавказский крайисполком утвердил 5-летний план этой политико-культурной программы. Основные направления программы сводились: к укреплению советской власти в национальных республиках из представителей мест-

ных народов; переводу документооборота на национальные языки; повышению образовательного и культурного уровня социальных низов через изучение родного языка, близкого и понятного населению; изменению традиционного образа жизни и вовлечению горцев в социалистическое строительство. Местные партийные функционеры активно взялись за решение этих задач.

Северо-Осетинский отдел народного образования требовал незамедлительного принятия мер по осуществлению указанных задач, с особенной настойчивостью проводилась национализация осетинской школы. В этой связи важно подчеркнуть, что советская власть не обязывала, а лишь предоставляла право национализации в образовании, если это способствовало лучшему обустройству жизни населения. Однако не везде это понимали одинаково. Естественный процесс коренизации, предполагавший развитие языка, литературы, культуры, учет ментальности разных этносов, ни в коей мере не должен был базироваться на русофобии и антисоветизме. Ускорение этого процесса могло принести больше вреда, чем пользы. Поэтому решения XII съезда ВКП(б) и последующие партийные решения имели больше рекомендательный, чем обязывающий характер. Однако на местах их восприняли по-разному,

В Осетии по вопросу о «национализациях» в качестве «спецов» выступали обычно филологи. Их голос обычно считался авторитетным. И он был в основании всякого рода постановлений, касающихся вопросов коренизации. Рассуждали при этом, видимо, так: вся политическая программа в итоге сводилась к замене одного языка другим, а так как изучением языков занимаются филологи, то, естественно, их голос и должен был иметь здесь решающее значение.

Но, несомненно, такой подход к решению проблемы был в определенной степени ущербным, так как язык не только объект филологического изучения. Язык одновременно является и одним из совершеннейших и могущественных орудий устройства и развития жизни общества; именно языку, как утверждал не без основания Ю. Липперт, человечество обязано всеми успехами, связанными с развитием общества [8, с. 350–362]. Поэтому вопрос коренизации напрямую был связан с проблемой борьбы за существование, т. е. какой из двух языков – русский или осетинский – станет орудием этой борьбы. Население Осетии оказалось перед выбором: воспользоваться правами, предоставленными советской национальной политикой, или же отказаться от них.

На первом областном съезде учителей СО АО сторонники коренизации утверждали, что она приведет к культурно-национальному развитию народа. Далеко не все на этом съезде были убеждены в правоте «национализаторов». В дискуссии участвовали как представители Северо-Осетинской

областной партийной организации, так и Северо-Осетинского областного отдела народного образования.

Позиция «национализаторов» была общеизвестна. Мотивируя необходимостью следовать политике «правильности и верности линии партии», они указывали на два принципиальных момента: повышение образовательного и культурного уровня социальных низов может произойти только через изучение родного языка, близкого и понятного местному населению; коренизация органов власти и перевод документооборота на родной язык будет способствовать утверждению советской власти на местах, «сделает ее ближе к народу», от чего зависит консолидация населения вокруг новой власти. Ключевой задачей «национализаторов» стал перевод работ В.И. Ленина и И.В. Сталина на осетинский язык [12, с. 7–8].

Наоборот, противники такого подхода призывали «не сводить дело узко – только к «коренизации», а рассмотреть этот судьбоносный для осетинского народа вопрос шире, с учетом экономических, культурных и политических факторов.

В обоснование своей точки зрения ими был дан анализ экономических особенностей региона, а также численности населения, что имело немаловажное значение. Для народа, вся численность которого не превышала 134 тысяч душ обоего пола, мечтать о такой культурно-национальной жизни было несколько рискованно. «Национализаторы» забывали, что количественный момент в этом процессе играл решающую и диктующую роль. Русский народ мог создать свою национальную культуру и литературу благодаря своей численности. Если бы русский народ не превышал своей численностью 50 или 100 тысяч, то вряд ли смог достигнуть таких результатов. Что по силам великану, часто невыполнимо для карлика [13, с. 2].

Принципиальной платформой для аргументации противников ускоренной коренизации были географические, демографические и экономические особенности Северной Осетии.

В Северо-Осетинской области различаются два основных, резко неодинаковых района: нагорная полоса и плоскость. Нагорная полоса состоит из бесчисленного множества хребтов, гребней, вершин, скал, ущелий, теснин и т. д. Верхняя полоса гор представляет собою царство льда, снега и обнаженных холодных скал. Здесь нет жизни. Человек может жить ниже, начиная с той полосы, где появляется растительность.

Развернутая сельскохозяйственная жизнь здесь, благодаря природным условиям, была невозможна. Сумма выставленных природою против человека препятствий в горах неимоверно велика. Поэтому основное занятие населения – пастбищно-скотоводческое хозяйство.

Исследованиями было установлено, что пастбищное хозяйство с посевом хлебов, ограничиваемым крайней необходимостью, могло держаться при плотности населения от одного до двух человек на одну квадратную версту.

Иными словами: при пастбищном хозяйстве 2 человека могут поместиться на 104 десятинах эксплуатируемой земли, а один человек на – 52 десятинах. Эту цифру, таким образом, можно было принять для нагорной полосы предельной нормой. На самом деле, в горах, по данным статбюро, приходилось на одну душу не 50 десятин, а много меньше, а именно: пашни, усадьбы и огородов – 0,03 дес.; сенокоса – 0,09; выгона и пастбища – 4,40. Итого – 4,5 дес. земли.

Таким образом, до продовольственной нормы не доставало на душу 45,48 десятины, то есть имеющаяся в нагорной полосе земельная площадь в 11 раз была меньше той площади, которая должна была быть в распоряжении местного населения [13, с. 3]. На плоскостной части же сложился полеводческий тип хозяйства, но и там фактический душевой надел земли был в 4 раза меньше продовольственной нормы.

Иными словами, исследования состояния сельского хозяйства показали, что территория земли, пригодной для ведения пашенного земледелия, уступает численности населения в 4 раза. А между тем здесь почти единственным средством существования являлось сельское хозяйство.

По данным областного Статбюро, распределение населения по занятиям представляло в Осетии следующую картину:

из всего самостоятельного населения занимается:

- а) сельским хозяйством – 94,5 %;
- б) сельским хозяйством и подсобным ему промыслом – 2,1 %;
- в) промыслом с подсобным ему сельским хозяйством – 0,3 %;
- г) только промыслом – 2,8 %;
- д) численность нетрудового элемента – 0,3 %.

Цифры показывают, что сельское хозяйство охватывает почти 97 % населения области, о чем свидетельствуют приведенные данные [13, с. 4]. Исходя из этого положения вещей, противники «ускоренного национализаторства» утверждали, что «население Осетии, тот осетинский народ, для которого хотим развить «национальную культуру» и «родную литературу» и свой «язык», существовать в полном своем составе не может. Исследования сельского хозяйства говорят, что часть осетинского народа для того, чтобы не умереть с голода, должна добывать себе кусок хлеба вне пределов Осетии, где-то в чужих краях» [13, с. 5].

В горах интенсификация по природным условиям немыслима. Вся история нагорной полосы, можно сказать, исчерпывалась двумя вековыми картинами: голодная смерть и бегство, бегство

и голодная смерть. Переселение в Моздокский район Терской губернии 10 000 горцев, т. е. половины населения нагорной полосы, или 7 % населения всей области, мало что меняло в этом деле.

Таким образом, Осетия под давлением экономических условий должна была чем далее, тем все более посылать часть своего населения за куском хлеба в чужие края, а зачастую выбрасывать ее туда с корнем навсегда. Исходя из этой ситуации, вставал вопрос: «С чем, с какими деяниями и каким багажом посылают их на эту тяжелую и упорную борьбу за существование «национализаторы». Они дают им «родную литературу», «родной язык» и еще что-то туманное, нечто без определенных форм и ясных очертаний, именуемое «национальной культурой». Можно смело быть уверенным, что такие путники дальше станций Дарг-Кох и Эльхотово никуда не доберутся» [14, с. 1].

Проникновение рыночных отношений в крестьянское хозяйство, разрушение архаичного уклада горцев, выход за рамки обособленного ареала жизнедеятельности, развитие торговых отношений с соседними регионами, с преимущественным проживанием русскоязычного населения требовало овладения русским языком, в интересах самих же горцев прежде всего.

Соглашаясь с основными принципами национальной-культурной автономии, необходимостью развития осетинского языка и литературы, прогрессивная часть политической и духовной элиты призывала к прекращению насильственной «осетинофикации», которую в широком масштабе по всем фронтам проводил Осетинский отдел народного образования.

Большой проблемой для партийного и советского аппарата Северо-Осетинской области стала коренизация. Никакие краткосрочные курсы не могли способствовать в достаточной степени овладению осетинским языком теми, кто не знал его. Согласно п. 3 плана перехода документооборота на родной язык, должны были оставить службу в учреждениях области те сотрудники, которые не владели языком коренной национальности. А между тем среди них имелось немало весьма ценных и полезных для области работников. Вставал вопрос, могли ли «национализаторы» после ухода этих грамотных и квалифицированных работников найти им равноценных заместителей. Ответ мог быть один: не могли в краткосрочном периоде. «Имеющийся состав кандидатов на эти места не может быть признан удовлетворительным, даже в том случае, если он в совершенстве достигнет все премудрости справочников и словарей проектируемой и, к слову сказать, весьма дорого расцениваемой Терминологической комиссией» [15, с. 4].

Важно отметить, что по завершении перевода делопроизводства на осетинский язык не была устранена необходимость в делопроизводстве на языке русском (как в советском аппарате, так равно и в профессиональных и кооперативно-хозяйственных организациях [14, с. 3]). Поэтому в значительной части приходилось вести одновременно два параллельных делопроизводства. Создавалось в итоге громоздкое, неуклюжее и более дорогое делопроизводство.

Коренизация не решала насущные экономические проблемы региона. Но, с другой стороны, прямым результатом этой политики стало утверждение советской власти в Северной Осетии и формирование национальной политической элиты. В начале 1930-х гг. численность ее по уровням была представлена в следующем виде: областной аппарат Северо-Осетинской области насчитывал всего 740 чел., из них 214 женщин; численность осетин среди них – 338 чел. (70 женщин), в процентах 45,7 % (32,7 %). Численность районного аппарата – 288 чел. (64 женщины); из них осетин – 190 чел. (27 женщин), в процентах 66 % (42,2 %). На уровне сельсоветов из 136 работников (19 женщин) осетины составляли 110 чел. (9 женщин), в процентах 80,8 % (47,9 %). Таким образом, на областном уровне процент коренизации был менее 50 %, однако это было значительным достижением в процессе проведения этой политики [6, с. 163].

Указанные перекосы в процессе коренизации в ущерб экономическому развитию в значительной степени в дальнейшем были устранены советской властью. В конце 1920-х–нач. 1930-х гг. в стране начались широкомасштабные модернизационные процессы, что охватило и национальные регионы. Промышленное развитие Северной Осетии, осуществленное в рамках социалистической индустриализации, способствовало фундаментальным преобразованиям экономической структуры и социальной сферы общества. Были построены крупные промышленные предприятия с высокотехнологичным производством продукции, изменилась социальная структура общества, что было связано с быстрыми темпами урбанизации населения, с этим явлением связан и переход от традиционного к индустриальному типу общества. Эти процессы оказали значительное влияние на подъем общей грамотности населения, формирование необходимых национальных профессиональных кадров для всех отраслей экономики. Все это благоприятно сказалось и на духовном развитии общества.

В постсоветский период произошла деиндустриализация не только региона, но и всей

страны. Расхищение общенародной собственности небольшой группой, так называемой «экономической элитой» в условиях рыночной экономики и фактического бездействия властей привело к банкротству, закрытию многих промышленных предприятий, обнищанию значительной части населения, безработице и как следствие превращению самодостаточной в экономическом отношении республики в «дотационный» регион. Политическое банкротство властей, которые в течение около 30 лет муссируют в СМИ идею об «импортозамещении» и при этом не наблюдаются реальных действий в этом направлении, привело богатую природными, трудовыми, интеллектуальными ресурсами

страну в сырьевой придаток западноевропейских стран. На этом фоне усиливается голос поборников национально-культурного развития, акцентирующих в основном внимание общества через СМИ, на национальных обрядах и традициях, осетинском «æгъдау», традиционных взаимоотношений между старшими и младшими, развитии национального языка и культуры. Несомненно, это важные составляющие духовного развития народа. Но они не должны заглушать и уводить от обсуждения и решения главной общественной проблемы – проблемы экономического развития региона. От решения этого вопроса зависит и духовное развитие нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова О.А. Национальные автономии в составе Северо-Кавказского края // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Материалы Всеросс. науч. конф. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 61–62.
2. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). – Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.
3. Гутиева М.А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 2–7.
4. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1968. 903 с.
5. Дзидзов В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ: Изд-во: Иростон. 2002. 256 с.
6. Итоги разрешения национального вопроса с СССР: Сборник под ред. Диманштейна; Научно-исследовательский институт национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. – М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1936. 242 с.
7. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.) // Сб. документов и материалов. Изд-во «Ир», Ordzhonikidze, 1974. С. 132–545.
8. Липперт Ю. История культуры. Типография Ю.Н.Эрлих. С. 396.
9. Мамсиров Х.Б., Лоов А.А. Особенности коренизации государственных и культурных учреждений Кабардино-Балкарии в свете новых архивных документов // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 1. С. 96–129.
10. Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Док-ты и материалы. – М.: Наука, 1992. 268 с.
11. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
12. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126–139.
13. Ф. 124. Оп.2, Д.663, с. 7–8.
14. Ф. 124. Оп. 1. Д 189, с. 2–5. В Северо-Осетинскую плановую комиссию.
15. Ф. 124. Оп.1. Д 337, с.1.

REFERENCES

1. Belousova O.A. National autonomies within the North Caucasus region// National elites and problems of socio-political and economic stability. Proceedings of the All-Russian Scientific Conf. – Rostov n / D: Publishing House of the YuNTs RAS, 2009. P.61–62.
2. Bugai N.F., Mekulov D.Kh. Peoples and Power: "Socialist Experiment" (20s). – Maikop: Meoty, 1994. 424 p.
3. Gutieva M.A. Politics of indigenization of personnel and features of its implementation in the North Caucasus // Humanitarian and social sciences. 2011. №1. P.2–7.
4. Twelfth Congress of the RCP(b). Verbatim report. – M.: Politizdat, 1968. 903 C. 4., p. 492
5. Dzidzoev V.D. National Policy: Lessons from Experience. Vladikavkaz. Publisher: Iriston. 2002. 256 p.
6. Results of the resolution of the national question with the USSR: Collection, ed. Dimanstein; Research Institute of Nationalities of the USSR under the Central Executive Committee of the USSR. M.: Publishing house "Power of the Soviets" under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee, 1936. 224 p.
7. Cultural construction in North Ossetia (1917–1941 Collection of documents and materials. Publishinghouse "Ir", Ordzhonikidze, 1974, p. 132– 545 p.
8. Lippert Yu. History of culture. Printing house Yu.N.Erlikh. S. 396.
9. Mamsirov Kh.B., Loov A.A. Features of indigenization of state and cultural institutions of Kabardino-Balkaria in the light of new archival documents// Electronic journal "Caucasus". 2021. No. 1 P. 96–129.
10. The national question at the crossroads of opinions: the 20s. Doc. and materials. – M.: Nauka, 1992. 268 p. fourteen.
11. Khlynina TP, Krinko EF, Urushadze AT. Russian North Caucasus: historical experience in managing and forming the borders of the region. – Rostov n/A: publishing house of the UNC RAS, 2012. 272 s.
12. Khmara N.I. From the experience of national-state construction in the USSR (1920s –1930s) // Patriotic history. 2006. No. 3. S. 126–139.
13. F. 124, Op.2, D.663, S. 7–8.
14. F.124. Op. 1. D 189, S.2, p. 2–5 To the North Ossetian Planning Commission
15. F 124, Op.1. D 337.S.1